

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/kursovaya-rabota/346265>

Тип работы: Курсовая работа

Предмет: Культурология

Введение 3

Глава 1. История и истоки медвежьего праздника 6

1.1. Почитание медведя у коренных народов Дальнего Востока: историографический аспект 6

1.2. Медвежий праздник как комплекс ритуалов, его мифическое основание и значение в культуре народов Дальнего Востока 13

Глава 2. Медвежий праздник в культуре айнов 20

2.1. Зооморфные образы в мифологии айнов 20

2.2. Медвежий праздник Иомантэ 28

Заключение 35

Список использованной литературы 37

В течение длительной истории своего существования коренные народы, населявшие восточную часть нашей страны, многое утратили из своих древних традиций, тем не менее, некоторые из них сохранили вплоть до настоящего времени ярко выраженные этнокультурные особенности. Как известно, промысловый культ, так же как и тотемизм, — это форма почитания животных, главной целью которой являются магические обряды, направленные на достижение удачи на промысле. Почитание медведя всегда занимало особое место в мировоззрении коренных народов Дальнего Востока: чукчей, коряков, чуванцев, эскимосов, юкагиров, айнов, нивхов, ульчей, негидальцев, орочей, ороков, эвенков, эвенов и других. Поэтому данная тема, а также уникальные обряды, связанные с проведением медвежьего праздника у коренных малочисленных народов Дальнего Востока, неоднократно поднимались в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Начиная с XVII в. обряд почитания медведя обратил на себя внимание первых путешественников-землепроходцев, проложивших путь к рубежам Дальней России, а впоследствии и ученых, отправлявшихся в данный регион в составе научных экспедиций. К теме медвежьего культа обращались зарубежные и отечественные исследователи: этнографы, историки и лингвисты. На протяжении почти 150 лет не ослабевал интерес ученых к данной теме. Как результат этнографических полевых исследований появлялись новые уникальные сведения, выходили в свет фундаментальные труды, составившие впоследствии основу классической дальневосточной этнографической науки.

В становлении и развитии отечественной этнографии можно условно выделить четыре этапа научной деятельности, неразрывно связанных с именами известных ученых-североведов:

1. Середина XIX в. — Л. И. Шренк, А. Ф. Миддендорф;

2. Конец XIX — первая четверть XX в. — Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Б. О. Пилсудский, И. А. Лопатин, П. П. Шимкевич, В. К. Арсеньев, Бертольд Лауфер.

3. 1920–1970-е гг. — И. А. Крейнович, Г. М. Василевич, В. И. Цинциус, Б. А. Васильев, С. В. Иванов, Г. А. Отаина и др.

4. 1970-е гг. — по настоящее время — А. В. Смоляк, З. П. Соколова, А. Б. Островский, Ч. М. Таксами, А. Ф. Старцев, П. Я. Гонтмахер, С. В. Березницкий, В. В. Подмаскин, Ю. А. Сем, Т. Ю. Сем, М. М. Хасанова, М. Г. Тэмина и др.

Исследователи зафиксировали важный факт того, что аборигены рассматривали медведя как лесного соплеменника, как зверя, способного воскреснуть. Этнограф-лингвист В. Г. Богораз, собравший богатый полевой материал по духовной и материальной культуре чукчей, отмечал, что «первобытный человек познает жизнь такую, какою она является в процессе его деятельности. Его [первобытного человека], внимание привлекают те предметы, на которые распространяются его действия. Он приписывает им качества, свойственные ему самому». Таким образом, несмотря на то, что сам В. Г. Богораз избегал термина «анимизм», относя его к «более поздней стадии... развития первобытного человека», но, тем не менее, считал, что именно анимизм является стержневой основой религии народов Дальнего Востока, согласно которой звери были подобны человеку, т. е. в рамках рассматриваемой нами проблемы к медведю относились как к человекоподобному существу. Аналогичное представление, в котором нашла отражение

традиционная духовность и образ мышления, повсеместно и широко было распространено среди коренных народов региона. Исследователи едины во мнении, что к середине XIX в. у дальневосточных аборигенов сложилась уже особая система медвежьего культа, и представители различных этносов проводили медвежьи праздники с соблюдением сложных устоявшихся церемониальных правил и действий. По мнению ученого-этнографа, исследователя традиционной культуры и языков коренных дальневосточных народов Л. Я. Штернберга, «...медвежий праздник в жизни этноса играл ту же роль, какую в свое время играли Олимпийские игры в Древней Греции» .

Одним из первых к описанию медвежьего праздника нивхов во второй половине XIX в. обращается русский ученый немецкого происхождения Л. И. Шренк . В 1853–1857 гг. он был направлен в составе экспедиции Академии наук к восточным берегам Сибири для сбора естественнонаучных коллекций по ботанике, зоологии и этнографии. Имея хорошую художественную подготовку, Леопольд Иванович оставляет довольно большое количество качественных зарисовок как самого действия медвежьего праздника, так и различных атрибутов, связанных с ним: одежды, ритуальной посуды и др., которые собираются ученым, формируются в коллекции и впоследствии становятся музейными экспонатами.

Другого выдающегося ученого-этнографа второй половины XIX — первой четверти XX в. Л. Я. Штернберга не только последующие поколения ученых, в т. ч. и его учеников, но и современники называли лучшим знатоком народов Дальнего Востока и лучшим этнографом своего времени. Занимаясь исследованием общественного строя и языка амурских и сахалинских нивхов, Лев Яковлевич внес большой вклад и в изучение фольклорного материала, в котором находят отражение поверья, связанные с почитанием медведя.

В своих научных трудах он подчеркивал огромную роль медвежьего праздника в жизни коренных народов материковой части Дальнего Востока и острова Сахалин. В фундаментальном этнографическом труде о дальневосточных аборигенах «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны» в кратком описании медвежьего праздника негидальцев отмечается, что, несмотря на то, что почитание медведя имело место в традиционной негидальской культуре, тем не менее, медвежий праздник заимствован негидальцами у гиляков (нивхов) «...ибо, как кочевой народ может медведя держать?»

Делали негидальцы медвежий праздник, пишет Л. Я. Штернберг, в виде поминок: «...праздник продолжался 8 дней. Медведь ночует на месте медвежьего праздника. Стрелять в него может каждый чужеродец. Убив, начинают резать, костей топором ломать нельзя. Потом добычу домой тащат, голову кладут на нару; жертвоприношений не делают. Голову варят в самой юрте, затем угощают; оставшиеся кости и голову собирают вместе и складывают в определенное место; там сруб делают; по бревну музыкальному колотят. Женщинам голову, сердце и печенку кушать нельзя. Дети тоже головы не едят. Если в тайге убить медведя, маленький праздник делают с музыкой. Медведю мстят за убийство человека: убивают двух медведей и без церемонии бросают. Медведь не бог».

Известный исследователь культуры нанайцев И. А. Лопатин в своей монографии «Гольды» выделяет специальный раздел «Тотемизм», где отмечает, что «...особого празднества в честь медведя, как это принято у гиляков и ольчей, у гольдов не устраивается; но охота на медведя всегда ведется с особенным торжеством и соблюдением различных религиозных обрядов» . Для гольдов, отмечал И. А. Лопатин, медвежий праздник является, главным образом, фамильным (родовым): «...если гольд найдет берлогу медведя, то не предпринимает охоты один, а непременно оповещает как можно скорее всех своих родных и знакомых. Это оповещение идет удивительно быстро.

Обыкновенно охотник, нашедший медведя, идет на ближайший табор своих родственников по отцу,...и рассказывает им о своей находке. Отсюда несколько человек в тот же день или даже в ту же ночь отправляются в разные стороны сзывать всю родню (одной фамилии, эму хала, как говорят гольды)». После удачной охоты, на ее месте «...сейчас же устраивается... пиршество». В работах И. А. Лопатина встречаются разные названия данного ритуала: медвежье торжество, пиршество, празднество. Охота на медведя, как отмечал этнограф, «...всегда ведется с особенным торжеством и соблюдением различных религиозных обрядов».

Нанайские легенды, связанные с культом медведя, к которым обращается П. Я. Гонтмахер в своей монографии «Нанайцы» , в конечном итоге сводятся к двум сюжетам. Первый: медведь, найдя женщину, уводит ее в свой дом, и от их сожительства рождается медвежонок, который становится, в силу своего рождения от медведя и женщины, «таежным человеком» и, следовательно, членом рода. И второй сюжет: предки нанайцев когда-то сами были медведями. Легенда гласит: «Раньше все нанайцы были зверями, наподобие медведя. Постепенно они научились делать орудия, жилища и превратились в людей, но не все стали жить как люди. Некоторые продолжали жить по-старому — медведями. Они сказали тем, которые

стали жить по-иному (как люди), что если встретятся с ними в лесу, то будут их уничтожать. И вот предки нанайцев бродят по лесу в виде медведя и добывают себе пищу без применения орудий труда. Иногда они приходят в «гости» к людям, к своим родственникам. Вот тогда нанайцы устраивают в их честь праздник встречи медведя с соблюдением строгих правил, установленных предками».

Другие варианты подобных легенд встречаются в трудах этнографа первой половины XX в. Н. А. Липской. Их главный смысл сводится к утверждению, что «...медведь сильный и очень умный зверь, как и человек. Он живет так же, как раньше жили люди, ест то же, что и люди едят» .

Известный исследователь истории и культуры коренных дальневосточных народов А. В. Смоляк в своей работе «Представление нанайцев о мире» пишет, что «...в прошлом род Сайгор встречал убитого на охоте медведя игрой на музыкальном инструменте (одя, одяпу). Одна из нанайских женщин приветствовала зверя торжественным речитативом, в котором рассказывалось во всех подробностях о его пути по тайге и как он попал в гости к родственникам» .

В этнографических исследованиях А. В. Смоляк приводятся интересные данные о медвежьем празднике у нанайцев и удэгейцев. Ссылаясь на труды С. Н. Брэндовского и В. Г. Ларькина и основываясь на собственных полевых исследованиях, этнограф подчеркивает, что в прошлом у этих народов был обычай содержать медведя в неволе. Все это указывает на родственность ритуалов, связанных с медведем в изучаемом регионе, и позволяет предположить наличие в прошлом более развернутого праздничного действия, включавшего музыкально-танцевальные моменты, позднее исчезнувшие в силу различных исторических причин. А. В. Смоляк отмечает, что «...пляски медвежьего культа сформировались в глубокой древности. В пользу этого свидетельствует: во-первых, тот факт, что вся основная музыкально-танцевальная часть выполняется женщинами; во-вторых, это подтверждается тем, что танцы четко и точно распределены по сюжетной канве праздника. Каждый танцевальный кусок имеет смысловую нагрузку и выполняет определенную задачу; в-третьих, настойчиво одинаковая форма танца, техника его и имитационный характер пластики, импровизационность и значительная степень индивидуального в манере исполнения, и в-четвертых, основное движение танцев медвежьего праздника хорошо известно каждому члену общества и имеет специальное название» .

Этнограф З. П. Соколова в своей работе «Животные в религиях» подтверждает тот факт, что «...в комплексе обрядов медвежьего культа у амуро-сахалинских народов прослеживаются древние, возможно тотемического характера, традиции, одна из которых — родовой характер празднества. Родовой, тотемический характер медвежьего культа проявляется и в том, что к медведю относились как к сородичу, обращались к нему как к сыну, брату; в этом же ряду явлений стоят, очевидно, и обычай вскармливания грудью, и обряд разведения очага для приготовления медвежьего мяса родовым священным огнем» .

Почитание медведя коренными народами прослеживается и в процессе применения ими различных оберегов, напрямую связанных с культом медведя. Так, например, в одной из своих этнографических работ С. В. Иванов, ссылаясь на Л. Я. Штернберга, отмечает, что в «...этнографической литературе по народам Амура и Сахалина можно встретить описание предметов, применявшихся этими народами в XIX и начале XX вв. при лечении и предупреждении детских болезней, а также с целью развить в детях те или иные способности или черты характера. Например, медвежий клык отгонял злых духов, поэтому его надевали на ребенка или подвешивали к колыбели. Заботились люди не только о том, чтобы их дети были спокойными и здоровыми, но и хотели видеть их умными, сильными, выносливыми, что особенно было необходимо мальчикам — будущим охотникам» . Данные научных исследований С. В. Иванова и других этнографов свидетельствуют о том, что в связи с этим также изготавливали разного рода предметы или использовали части животных, например, чтобы «...в будущем человек хорошо владел рукою, ему в молодости надевали на кисть правой руки горловой хрящ медведя, а для зоркости давали проглотить зрачок этого животного». И все-таки несмотря на название своей работы «О детских амулетах нанайцев», С. В. Иванов отмечает, что предметы, предназначенные для защиты детей, по ряду признаков не могут быть отнесены к амулетам в прямом толковании этого термина, и акцентирует внимание на том, что «...народы Амура и Сахалина, видели в детских предметах живые существа, обладающие качествами, способностями, волей, как и отдельные части тела животных (головы, челюсти, когти, клыки, зубы и др.), — «живые» заменители животных. С этими предметами нередко разговаривали, обращались к ним с просьбами... к медвежьему клыку, например, обращались со следующими словами: «ты сильный, ты ничего не боишься, приди, помоги мне! Моего ребенка, приди, сделай смелым». С амулетами-же, предметами выполняющими только охранительную функцию, предохраняющими от болезней, сглаза и т. д. — не разговаривали, не обращались с просьбами и не наделяли их жизненными функциями, и, следовательно, большинство из них нельзя связывать с анимизмом, т. к. эти предметы не наделялись ни душой, ни духом» .

1. Банаканова Л. Е. Культ медведя среди быстринских эвенов Камчатки И Меридиан. - 2016. - № 2. - С. 70-75
2. Богораз В.Г. Чукчи [Текст] : социальная организация / В. Г. Богораз. - Изд. 4-е. - Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2015
3. Васильев, Б.А. Медвежий праздник [Текст]: (медвежьи мифы у народов Севера) / Б.А. Васильев // СЭ. — 1948. — № 4. — С. 78-104
4. Васильевский Р. С. По следам древних культур Хоккайдо. Москва, 1981.
5. Вртанесян Г. С., Озолина Л. В. Медвежий праздник ороков-уйльта: общее и особенное И Сибирский филологический журнал. - 2015. - № 4. - С. 15-22
6. Гонтмахер П. Я. Нанайцы: этюды о духовной культуре. Хабаровск, 1996
7. Иванов С. В. О детских амулетах нанайцев. // Сб. науч. тр. МАЭ АН СССР. Т. 33. Л., 1977. С. 80-89
8. Иванов С. В. Штернберг и примитивное искусство. Очерки по истории знаний. // Сб. науч. тр. МАЭ АН СССР. Т. 7. Л., С. 159-172
9. История и культура народов севера Дальнего Востока : сборник Акад, наук СССР, Сиб. отделение ; под ред. А. И. Крушанова. - М. : Наука, 1967
10. Косинцев, П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии [Текст]: (по археозоологическим данным) / П.А. Косинцев // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / ред. Гемуев И.Н., Алексеев Н.А., Октябрьская И.В. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — С. 4-9
11. Крейнович Е. А. Медвежий праздник у кетов / Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. - М., 1969. - С. 6
12. Крыжановская Я. С. Проблема игры и игрового пространства на медвежьем празднике амурских этносов // Ученые записки Комсомольско- го-на-Амуре государственного технического университета. - 2017. - Т. 2. - № 4. - С. 44-49
13. Липская Н. А. Материалы к этнографии гольдов. // Сибирская живая старина. Вып. 3-4. Иркутск, 1925. С. 145-160
14. Лопатин И. А. Гольды: Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования. // Записки ОИАК ВОПО РГО. Т. 17. Владивосток, 1922
15. Марус Р. А. Культ медведя у восточных славян // Россия и АТР. - 2003. -№3.- С. 96-100
16. Нивхские мифы и сказки из архива Г. А. Отаиной / отв. ред. А. М. Певнов; предисл. и коммент. А. М. Певнова; пер. с нивх. яз. Г. А. Отаиной; Российская акад, наук, Ин-т лингвистических исслед.; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. - М. : Энерджи Пресс, 2010
17. Осипова М.В. Лососёвые в жизненном и мифоритуальном пространствах айнов Курил, Сахалина и Хоккайдо // Россия и АТР, 2018. № 4. С. 94
18. Санги В. Нивхские легенды. Южно-Сахалинск, 1960. С. 78
19. Сем Т. Ю. Медвежий праздник айнов в исследованиях Б. О. Пилсудского // Известия русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. - 2000. - № 4. - С. 158-176
20. Слепцов Ю. А. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки И Филология и человек. - 2014. - № 2. - С. 145-151
21. Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире. // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 21-29
22. Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М., 1984
23. Соколова З. П. Животные в религиях. СПб., 1998
24. Спесивовский А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов: религиозные воззрения в традиционном айновском обществе. Москва, 1988. С. 47
25. Таксами Ч. М. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. Москва, 1990. С. 165
26. Тураев В. А. История и культура нивхов: Историко-этнографические очерки. Москва, 2008. С. 165
27. Фетисова Л. Е. Нивхский повествовательный фольклор в иноэтническом окружении // Диалог культур Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации. 2017. № 5. С. 175
28. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 3. СПб., 1903
29. Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933
30. Эвенские сказки, предания и легенды / сост., послесл. и примеч. К. А. Новиковой. - Магадан : Кн. Изд-во, 1987

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/kurovaya-rabota/346265>